

МЕНТАЛЬНАЯ ВОЙНА: ДЕФИНИЦИОННЫЙ ЭСКИЗ В ИНТЕГРАЦИИ ФИЛОСОФИИ, ПСИХОЛОГИИ И ВОЕННОЙ НАУКИ

И. Ю. Устинов, А. Н. Кирюшин

*Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил
«Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина»*

Поступила в редакцию 30 января 2023 г.

Аннотация: на основе анализа гибридности как заново актуализированного свойства современной войны, критического подхода к существующим определениям содержания понятия «ментальная война» выработаны предварительные посылки, позволяющие продолжить научные исследования данного феномена в сферах философии, психологии и теории военного искусства.

Ключевые слова: ментальная война, ментальность, менталитет, противоборство, борьба.

Abstract: based on the analysis of hybridity as a newly updated property of modern warfare, a critical approach to the existing definitions of the content of the concept of «mental warfare», preliminary assumptions have been developed that make it possible to continue scientific research on this phenomenon in the fields of philosophy, psychology and the theory of military art.

Key words: mental war, mentality, mentalty, confrontation, struggle.

Специальная военная операция (СВО) на территории Украины представляет собой не только одно из крупнейших и судьбоносных событий мирового масштаба первой четверти XXI в., но и еще один факт дальнейшего усиления тенденции на повышение значимости методов обоюдного нелетального силового воздействия противоборствующих сторон в области современного военного искусства.

На сегодняшний день в рамках СВО, реализуемой в границах новых субъектов Российской Федерации, используются различные способы противоборства, затрагивающие сферы экономики, политики, массовой коммуникации, образования и культуры, которые являются системными элементами преэмптивной агрессии, развернутой против Российской Федерации Соединенными Штатами Америки и их сателлитами практически сразу же после окончания Второй мировой войны.

Ряд российских исследователей в качестве одного из актуальных трендов достижения англосаксами геополитических целей рассматривает организацию и ведение так называемой ментальной войны. Однако сущность и содержание данного понятия до сих пор не конкретизированы, в силу чего возникают достаточно значимые проблемы, связанные с единым пониманием феномена ментальной войны, объектов, на

которые она ориентирована, и как следствие, разработкой эффективных технологий, позволяющих противостоять специфическим инициативам агрессора.

На наш взгляд, наибольшим потенциалом для разрешения противоречия между реальным существованием феномена насильственного ментального воздействия и отсутствием эффективной эвристики для решения связанных с ним познавательных, конструктивных и практических задач обладают такие науки как философия, психология, теория искусственного интеллекта, структурная лингвистика, теория информации, математика и физика. В то же время термин «ментальность», трактуемый в рамках современной научной парадигмы как нечто общее, лежащее в основе сознательного и бессознательного, логического и эмоционального, т. е. глубинный и потому трудно фиксируемый источник мышления, идеологии и веры, эмоций и чувств, позволяет предположить, что концепт ментального противоборства необходимо разрабатывать посредством философского и психологического методологического инструментария.

Следует заметить, что в последнее время ментальная война, равно как и близкие ей по смыслу феномены «информационно-психологическая война», «консциентальная война», «когнитивная война», «война смыслов», «поведенческая война», «психоисторическая война», «гуманитарная война», «война

© Устинов И. Ю., Кирюшин А. Н., 2023

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.

на полях сознания», «аксиологическая война», «ценностная война», «мировоззренческая (ценностно-идентичностная) война», «культурная война», достаточно часто фигурирует в качестве предмета обсуждения на различных информационных площадках. Однако в превалирующем большинстве случаев посвященные ей дискуссии носят риторический, а иногда и явно выраженный популистский характер. Напротив, серьезных, достойных внимания научных сообществ исследований, направленных на доскональное изучение данного феномена (ментальной войны) сравнительно немного.

В 2003 г. президент Академии военных наук генерал армии М. А. Гареев писал: «Авторы, падкие на сенсации, чуть ли не каждый день войнам будущего дают новые названия: трехмерная, сетевая, асимметричная, бесконтактная, информационная и т. д. Да, все эти элементы будут иметь место, они отражают одну из характерных черт военного противоборства, но ни один из них в отдельности не характеризует облик войны в целом» [1, с. 27]. Однако нельзя не согласиться с тем, что стратегия современных геополитических конфликтов, построенная на сочетании широкого спектра самых различных форм и способов взаимного влияния оппонентов, вмещает в себя все большее и большее количество смыслов. В связи с данным обстоятельством начинает совершенно иначе восприниматься классическое определение войны, данное прусским военным теоретиком К. Клаузевицем: «Война есть не только политический акт, но и подлинное орудие политики, продолжение политических отношений, проведение их другими средствами. То специфическое, что присуще войне (т. е. насилие), относится лишь к природе применяемых ею средств» [2, с. 67]. Да, действительно, центральной осью войны остается вооруженная борьба, осуществляемая за счет военной силы, но вокруг этой оси образуется сложный конгломерат, в рамках которого развивается противостояние в различных сферах человеческой деятельности, человеческой сущности, реализуемое не только средствами военного насилия, но и именно другими, достаточно разнообразными средствами.

Неопределенность процессов эскалации противостояния акторов, как, впрочем, и разнообразие последних, обуславливает зыбкость контуров геополитических конфликтов современности, требует новых подходов к разработке и реализации их стратегий и контрстратегий, предназначенных для противодействия и нейтрализации замыслов противника. Эта неопределенность заново актуализирует такое свойство войны как гибридность, выступающее следствием того, что противоборствующие стороны стремятся применять все имеющиеся в их распоряжении силы, средства и методы для ее ведения: сложивши-

ся исторически и инновационные, традиционные и нетрадиционные, военные и невоенные.

В свою очередь, гибридность постепенно изменяет цели и характер классической войны, делает ее многомерной и многоплановой, неподдающейся легитимации какими-либо правовыми нормами, включающей в свою орбиту все сферы общественной жизни. Гибридность стирает демаркационную линию между мирным и военным временем, становится детерминантой, позволяющей вести военные и паравоенные действия без объявления войны или введения особых правовых режимов. Она отменяет однозначность тринитарной (по К. Клаузевицу) модели войны, изменяет ее привычные цели, создает условия для замещения военного насилия насилием невоенным, а также корректирует приоритеты в выборе объектов поражения [3, с. 37].

Несмотря на гибридизацию, сущность войны как продолжения политики насильственными средствами остается инвариантной. Однако сами насильственные средства становятся все более и более вариативными. Вектор упреждающей агрессии все чаще направляется на сознание людей, и результативность его влияния существенно превышает эффективность традиционных средств вооруженной борьбы, ориентированных на физическое устранение противника. В связи с данным фактом появляется возможность вести речь о новой парадигме войны, в соответствии с которой вооруженное противоборство для достижения поставленных политических целей используется только в исключительных случаях. На наш взгляд, в рамках этой новой парадигмы вполне уместно говорить о специфическом ментальном противоборстве, ментальном влиянии, которое на данный момент времени получило достаточно условное наименование «ментальная война» и может быть предварительно охарактеризовано как один из видов или одна из форм информационного и психологического противоборства политических акторов, не рассматривающих вооруженное противоборство в качестве доминирующего средства для достижения победы над противником.

Проведенный нами анализ более 150 авторских концепций и подходов позволил выявить наиболее приемлемые для последующей работы дефиниции ментальной войны, представленные в таблице.

В ходе дефинирования чрезвычайно важно соблюдать ряд логических правил, к числу которых относятся:

- 1) правило недопустимости круга, означающее то, что определяющее не должно содержать в себе определяемое;
- 2) правило соразмерности, трактуемое, что дефиниendum должен быть равен дефиниенсу;
- 3) правило ясности, обуславливающее необходимость и обязательность раскрытия значения опреде-

Дефиниции ментальной войны

Автор	Содержание дефиниции
Ильницкий А. М.	Ментальная война – это война, целью которой является уничтожение самосознания, изменение ментальной, цивилизационной основы общества противника, а задачей – лишение объекта воздействия суверенитета и постановка его под внешнее управление. Ментальная война – это скоординированная совокупность разномасштабных действий и операций, направленных на «оккупацию» сознания противника в целях паралича его воли, изменения индивидуального и массового сознания населения [4, с. 22]
Караваев И. Н.	Ментальная война – это применение противником системы способов и средств воздействия, направленных на поражение общественного сознания (ментальности, идентичности, исторических традиций, ценностей и т. д.) противостоящей стороны, как в мирное время, так и в условиях военного конфликта [3, с. 38]
Школьников А. Ю.	Ментальная война – это путь манипуляций, обмана, скрытых действий, введение противника в заблуждение, искажение, изменение и управление: фактами: противник принимает невыгодные ему решения исходя из неверных представлений о текущей ситуации и ее развитии – информационная война (тактический уровень); процессами принятия решений: противник полагает, что движется к своей цели, но в реальности осуществляет чужие планы – когнитивная война (оперативный уровень); целями и смыслами: противник сам стремится и прокладывает путь к своей гибели – ментальная война (стратегический уровень). В рамках ментальной войны можно выделить три уровня: 1) тактический – информационная война (недели/месяцы, воздействует на общественное настроение и/или мнение); 2) оперативный – когнитивная война (месяцы/годы, воздействует на общественные установки); 3) стратегический – собственно психоисторическая/ментальная война (годы/поколения, воздействует на культурный канон) [5]
Овчинский В. С., Ларина Е. С.	Ментальная, психологическая, по сути, война представляет собой войну контента, целью которой является изменение сознания или психики масс, групп и/или личности, т. е. объектом ее воздействия являются ценности и установки [6, с. 23]
Никитин В. С.	Ментальная война – это современная информационно-гибридная война, ведущаяся с помощью психотропного, организационного, информационного оружия, социального и лингвистического манипулирования сознанием масс, с целью насильственного изменения ментальной и цивилизационной основ общества противника (способа мышления народа, его родного мировоззрения и самосознания) и перекодирования их в соответствии с мышлением и мировоззрением агрессора путем лишения народа генетической и исторической памяти, искажения языка, смысла слов и традиций, подмены понятий [7, с. 23]

ляемого посредством слов и выражений, понятных для окружающих;

4) правило недопустимости использования метафор и фразеологизмов, указывающее на востребованность четкой формулировки дефиниенса и нерентабельность абстрактных рассуждений;

5) правило запрета отрицания, детерминирующее невозможность негативного дефиниенса.

Практически во всех отобранных нами для анализа дефинициях понятия «ментальная война» обнаруживается одна или даже несколько ошибок, обусловленных несоблюдением правил формальной логики. Данный факт ни в коем случае не следует интерпретировать как причину, определяющую несостоятельность труда исследователей. Его необходимо рассматривать в качестве детерминанты, ориентирующей научное сообщество на дальнейшую сложную и кропотливую работу, результатом которой

должно стать четкое и, по мере возможности, однозначное понимание анализируемого феномена, позволяющее перейти от теории к практике, от осознания проблемы к поиску путей ее разрешения.

На наш взгляд, в интересах создания в интеграции философии, психологии и теории военного искусства дефиниционного эскиза ментальной войны, позволяющего прийти к выводу об автономности данного феномена или необходимости его включения в систему связанных с ним по смыслу и достаточно широко распространенных понятий «информационно-психологическая война», «консциентальная война», «когнитивная война», «цивилизационная война» и подобных им следует учитывать несколько предварительных посылок:

во-первых, особенность философского толкования менталитета заключается в том, что он осмысливается с двух позиций: онтологически, как реальный

феномен, который объективно существует, и гносеологически, как теоретический конструкт, инструмент исследователя, смоделированный с целью более полного объяснения сложного общественного комплекса. Говоря иначе, в философии менталитету придается функция интерпретационной модели, выражающей одну из сторон бытия социальных общностей [8, с. 359];

во-вторых, целесообразно исходить из тезиса о том, что представления человека о мире, сформировавшиеся на основании определенных культурно-ценностных доминант, отчасти осознаваемы, отчасти носят бессознательный характер, в связи с чем термин «менталитет» может использоваться для обозначения совокупности неосознанных представлений и установок, характерных для той или иной социально-исторической общности, набора бессознательных комплексов, складывающихся в процессе адаптации человеческого этноса к окружающей природно-социальной среде. Эти бессознательные образы, так или иначе включенные в систему этнических констант, определяют характер действий человека в мире. Иными словами, менталитет – это социально-психологическое свойство группового субъекта, тогда как ментальность – его состояние. Ментальность более изменчива, динамична и креативна, в то время как менталитет более фундаментален, устойчив и консервативен. Их соотношение в этом случае приобретает определенный смысл: это не часть и целое, не главное и второстепенное, это разные уровни одного и того же – более поверхностный (осознаваемый) может быть назван ментальностью, а более глубокий (неосознаваемый, подсознательный) – менталитетом. Менталитет находится глубже когнитивной, ценностной и аффективной сфер человеческого сознания и поведения. Это система этнических констант, выступающая призмой, сквозь которую человек смотрит на мир; стереотипы и установки, являющиеся для человека естественными, само собой разумеющимися. Они, как правило, невербализуемы, мало поддаются воздействию сознания и срабатывают непроизвольно. Говоря иначе, можно заставить народ принять чужую идеологию, но менталитет – нет постольку, поскольку он играет роль памяти народа о прошлом, служит психологической детерминантой поведения миллионов людей, верных своему исторически сложившемуся культурному коду при любых обстоятельствах. При употреблении термина «ментальность» акцент делается на мыслительной способности человека, его когнитивной сфере, на осознанных структурах массового сознания. Отражая специфику психологической жизни людей, ментальность раскрывается через систему взглядов, оценок, норм и умонастроений, фундаментом для которой выступают имеющиеся в обществе знания и верова-

ния. Эта система совместно с доминирующими потребностями и архетипами коллективного бессознательного обуславливает иерархию ценностей и характерные для представителей конкретной общности убеждения, идеалы, склонности, интересы и социальные установки [9, с. 134];

в-третьих, многие исследователи пытаются применять термин «война» практически ко всем видам конфликтного взаимодействия и сферам жизнедеятельности общества, однако для обозначения последних целесообразно использовать термины «борьба» и/или «противоборство» (в синонимичных значениях: конфронтация, противодействие, противостояние и др.), что находит свое отражение в таких устоявшихся терминах, как радиоэлектронная борьба и информационно-психологическое противоборство. Главной отличительной чертой войны, безусловно, является вооруженная борьба, а также все то, что, так или иначе, ее сопровождает, связано с ней. Только в том случае, когда вооруженная борьба или другие действия вооруженных сил выступают главными средствами достижения политических целей, а все другие невоенные средства насилия работают на обеспечение наибольшего эффекта первых, то это не что иное, как война. Составным элементом механизма возникновения войны является наличие ее коренных причин, среди которых экономические, политические, социальные, духовные, национальные, религиозные и иные противоречия между классами, нациями, государствами, ведущие к войнам, конфликты между богатыми и бедными государствами и коалициями государств, между перенаселенными государствами и государствами, имеющими свободные территории, между владельцами сырья и его потребителями, территориальные притязания. В качестве имманентного элемента механизма возникновения войны следует рассматривать наличие исторически конкретного источника военной опасности – государственного строя, политического режима, идеологии, политики, предполагающей использование вооруженного насилия, международного терроризма, национализма, тоталитаризма, фашизма и религиозного фанатизма [10, с. 285].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гареев М. А.* Характер будущих войн / М. А. Гареев // Право и безопасность. – 2003. – № 1–2 (6–7). – С. 23–31.
2. *Клайзевиц К.* О войне / К. Клайзевиц. – М., 1994. – 448 с.
3. *Караваяев И. Н.* Концепция ментальной войны как составная часть учения о войне и армии / И. Н. Караваяев // Военная мысль. – 2022. – № 3. – С. 35–42.
4. *Ильницкий А. М.* Ментальная война России / А. М. Ильницкий // Военная мысль. – 2021. – № 8. – С. 19–33.

5. Школьников А. Ю. Очерк о психоисторических/ментальных войнах / А. Ю. Школьников. – URL: <https://shkolnikov.info/articles/11-analitika-i-prognozy/106073-ocherk-o-psikhoistoricheskikh-mental-nykh-voynakh>

6. Овчинский В. С. Мировойна. Война всех против всех. Новейшие концепции боевых действий англосаксов / В. С. Овчинский, Е. С. Ларина. – М., 2015. – 416 с.

7. Никитин В. С. Хронополитика и русскомыслие – ключ к победе в ментальной войне / В. С. Никитин. – Псков : Псков. возрождение, 2021. – 80 с.

Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина

Устинов И. Ю., кандидат педагогических наук, доцент, заместитель начальника кафедры военно-политической работы

E-mail: letyga36@yandex.ru

Кирюшин А. Н., доктор философских наук, доцент, доцент кафедры тактики авиации

E-mail: elrisha_@rambler.ru

8. Егле Л. Ю. Влияние традиционной культуры на формирование менталитета / Л. Ю. Егле // Мир науки, культуры, образования. – 2011. – № 4 (29). – С. 358–360.

9. Хомкова Л. Р. Теоретико-методологические аспекты исследования менталитета / Л. Р. Хомякова // Вестник ИГЛУ. – 2013. – С. 131–139.

10. Ксенофонтов В. А. Философские аспекты мира, войны и насилия / В. А. Ксенофонтов // Философско-гуманитарные науки : сб. науч. статей. – Минск, 2020. – С. 280–291.

Military Training and Scientific Center of the Air Force Air Force Academy named after Professor N. E. Zhukovsky and Yu. A. Gagarin

Ustinov I. Yu., Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Deputy Head of the Department of Military-Political Work

E-mail: letyga36@yandex.ru

Kiryushin A. N., Doctor of Philosophy, Associate Professor, Department of Aviation Tactics

E-mail: elrisha_@rambler.ru